

§6 ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Харкевич М.В.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ НАУЧНОГО ЭТОСА

***Аннотация.** Предметом исследования является национальная специфика научного этоса в условиях трансформации универсальных императивов научной деятельности, которые меняются под воздействием сдвигов социально-экономического и культурного контекста производства научного знания в конце XX – начале XXI вв. Специфика научного этоса исследуется на примере анализа ценностных оснований профессиональной деятельности экспертов РФФИ при отборе грантовых заявок в Фонд. Эксперты Фонда представляют собой наиболее репрезентативную выборку научного сообщества России как по географии, так и по дисциплинам. Основным методом исследования является полуструктурированное интервью экспертов РФФИ. Была проведена серия из 20 сфокусированных интервью с экспертами Фонда. Им были предложены вопросы, касающиеся четырех императивов, выделенных Мертоном: универсализм, коллективизм, бескорыстие и организованный скептицизм. Цель исследования заключалась в выявлении отклонения институциональных императивов деятельности экспертов РФФИ при оценке заявок от классического научного этоса, описанного Мертоном. Из проведенного анализа можно сделать вывод, что на специфику научного этоса в России (на примере научного этоса экспертов РФФИ) большее влияние оказывают структура отношений между властью и наукой, борьба ученых за статус. Культурные особенности российской культуры в этосе экспертов РФФИ отмечены не были. Следовательно, национальные особенности российского научного этоса носят не культурные, а институциональные основания.*

Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурные особенности научно-исследовательской деятельности в России», выполняемого за счет средств гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых

Ключевые слова: научный этос, российская наука, государство, РФФИ, научная политика, Мертон, Бурдье, производство знания, обмен ресурсами, научный капитал.

Abstract. The subject of this research is the national specificity of scientific ethos in the conditions of transformation of the universal imperatives of scientific activity, which are affected by the shifts in socio-economic and cultural context of production of the scientific knowledge in the late XX – early XXI centuries. The specificity of scientific ethos is being examined on the example of the analysis of value foundation of professional activity of the experts of the Russian Foundation for Basic Research regarding the selection of grant application for the Fund. The experts of the Fund demonstrate the most representative selection of Russian scientific community in both aspects, geography and disciplines. The main method of this research consists in semi-structured interviews of the experts of the Russian Foundation for Basic Research. The author carried out a series of 20 focused interviews with the experts of the Fund. They were offered to answer the questions pertaining to the four imperatives determined by R. Merton: universalism, collectivism, disinterestedness, and organizes skepticism. The goal of this work lies in determination of deviation of the institutional imperatives of activity of the experts of the Russian Foundation for Basic Research in assessment of applications from the classic scientific ethos described by Merton. The author concludes that the specificity of the Russian scientific ethos is influenced by the structure of relations between the government and science, as well as struggle for the status among the scholars. It is noted that the national specificities of the scientific ethos in Russia impart institutional grounds, rather than cultural.

Key words: production of knowledge, Bourdieu, Merton, scientific policy, Russian Foundation for Basic Research, state, Russian science, scientific ethos, exchange of resources, scientific capital

Наука и полис: взаимодействие эпистемического и политического

Наука, сформировавшись в качестве социального института в Европе в XVII в., стала последовательно доказывать обществу и государству свою монополию на производство истинного знания. В конкурентной борьбе с религией, искусством и обыденным сознанием наука доказала государству, что только с помощью научного метода можно получать истинное знание о мире. Впоследствии в конце XX века было доказано, что наука может претендовать на истину с маленькой буквы «и», т.е. истину, зависимую от социально-исторического контекста ее производства и потребления. Тем не менее, общество и государство признало, что истина, пусть даже в таком относительном виде, доступна только науке.

Наука стала автономным социальным полем, обладающим политически значимым капиталом: научным авторитетом и техническими инновациями. Политическое значение научного авторитета объясняется его влиянием на легитимность государства, которая в конечном итоге покоится

на вере общества в то, что правительство знает истину и принимает политические решения на основании этого знания.

Наука также важна для государства как источник технических инноваций, без которых невозможно обеспечивать должный уровень военной и экономической мощи для успешной конкуренции и сотрудничества с другими государствами. Данный аспект науки стал особенно актуален для государств после Второй мировой войны, когда наука стала неотъемлемой частью военно-промышленного комплекса.

Для науки государство, в свою очередь, необходимо, прежде всего, как источник материальных и символических ресурсов необходимых для нормального функционирования науки и достойного самоощущения ученых в обществе. Но прежде всего для науки государство – это источник финансирования и заказов.

Наука и государство заинтересованы друг в друге и активно вовлечены во взаимный обмен производимых ими благ. Однако это взаимодействие не лишено проблем для обеих сторон.

Особенность функционирования науки как социального поля, по мнению П. Бурдьё, заключается в его высокой автономии. «Научный капитал, – пишет исследователь, – особый род социального капитала... основными своими характеристиками обязана тому факту, что производители стремятся (тем больше, чем более автономно поле) иметь в качестве возможных заказчиков лишь своих конкурентов. Это означает, что в поле с высокой степенью автономии отдельный производитель может достичь признания ценности своей продукции («репутация», «престиж», «авторитет», «компетентность» и т. д.) лишь через других производителей, которые, будучи одновременно конкурентами, менее всего расположены к тому, чтобы признать коллегу, не обсуждая и не экзаменуя его. Прежде всего *de facto*: только ученые, вовлеченные в одну и ту же игру, обладают средствами, позволяющими символически овладеть научным произведением и оценить его достоинства. Но также и *de jure*: тот, кто обращается к внешнему по отношению к полю авторитету, может себя лишь скомпрометировать» [1].

Государство же, напротив, имеет тенденцию к своей абсолютизации, т.е. расширению своего поля политической рефлексии за счет поглощения всех иных полей. Сильное государство постепенно политизирует все социальные и рефлексивные поля. Российский философ А. Пятигорский выразил эту особенность идеи государства двумя понятиями: обратная и экстенсивная ассоциативность идеи государства. «Государство, – отмечает он, – обратно релятивно в его отношении к другим объектам политической рефлексии» [2, с. 83]. Политический режим, правовые институты, церковь мыслятся в их установленном, зафиксированном отношении к государству, в то время как последнее соотносится с каждым из них в отдельности и со всеми ими, вместе взятыми, только в обратном порядке. Но что более важно, идея государства обладает «экстенсивной ассоциативностью», т.е. она связывается с идеями или понятиями не только политической, но и других типов рефлексии – культурной, эстетической или психологической. В результате идея государства превращается в идею абсолютного государства, когда все поли-

тическое мыслится и понимается через идею государства, а все, что с государством не связано, вытесняется за рамки политического дискурса. П. Стайнбергер приходит к схожему выводу. По его мнению, «государство является не чем иным, как авторитетным институционализированным выражением всего хода жизни, отражающим всю совокупность суждений о том, как в действительности устроен мир» [3, р. 22].

Таким образом, сосуществование с государством или внутри государства всегда предполагает сопротивление его ассоциативной экстенсивности. Это касается гражданского общества в целом и науки в частности. Сохранение же автономии науки является основной гарантией ее ценности для общества и государства, которая заключается в монополии на научную истину.

Науке пришлось выработать институциональные границы, отделяющие ее от других социальных полей и от государства, как наиболее агрессивного поля. В данном случае под институциональными границами понимаются нормы и императивы научной деятельности, которые отличают ее от других сфер деятельности и обеспечивают автономию.

Научный этос

Проблема определения универсальных императивов научной деятельности в социологии науки была поставлена в работах американского социолога Р. Мертона [4]. Он был уверен, что начиная с XVII в. ученые всего мира руководствовались одним и тем же универсальными нормами. Нормы в данном случае следует отличать от практик. Ученый может в своей практике отклоняться от нормы, но всегда иметь ее в виду как идеал научной деятельности. Таким образом, Мертон заложил институциональное направление в социологии науки, которое в 1970-80-х гг. сменилось антропологическим направлением, ориентирующимся уже не на нормы, а на конкретные практики научной деятельности.

Выделенные Р. Мертоном институциональные императивы научной деятельности составляют классический научный этос. По определению самого Мертона этос – это «аффективно окрашенный комплекс ценностей и норм, счита-

Сравнительная таблица дисциплинарных матриц

дисциплинарная матрица	научная картина мира	преобладающая ценность	правила, законы, теории	действие в решении «головоломок»
классическая	природа едина, единственна, себе тождественна	устранение всего субъективного, произвольного, случайного	устойчивы и очевидны	по образцу
неклассическая	общенаучная картина мира, представляющая собой динамичную, неустойчивую мозаику взаимодействия дисциплинарных онтологий	контингентное согласие, вступающих во взаимодействие методов, языков, стилей мышления, парадигм	неустойчивы и не всегда очевидны	по образцу, возникающему в ходе решения междисциплинарных проблем
пост неклассическая	как о единстве сообщающихся, множественных и становящихся миров	соотнесение внутринаучных ценностей с целями и ценностями универсума, равно необходимо для статуса естественнонаучного и гуманитарного знаний	изменчивы, необратимы, действуют принципы «общения без обобщения», выходящие за рамки дисциплинарного знания	по образцу общих закономерностей и принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в открытых системах различной природы: физических, химических, биологических, социальных и т.д.

Таблица построена автором на основании статьи А.П. Киящинко [5].

ющий обязательным для человека науки. Легитимируются они в терминах институциональных ценностей» [4, р. 268-269]. Им было выделено 4 таких императива: универсализм, коллективизм, бескорыстие и организованный скептицизм. Универсализм (universalism) предполагает, что никто из ученых не может быть исключен из научной дискуссии из-за его/ее социальных характеристик. Коллективизм (communalism) заключается в том, что научное знание является достоянием всей научной общественности. Бескорыстие (disinterestedness) подразумевает стремление ученых действовать во благо науки как таковой, а не в угоду личным интересам. Организованный скептицизм (organized skepticism) обязывает ученых проверять результаты друг друга, критически воспринимать новую научную информацию.

Формирование научного этоса послужило не только развитию социологии науки, но и самой науки как социальному полю. Во взаимодействии с государством наука, опираясь на научный этос, могла доказать свою ценность и свою монополию на производство научного знания.

Однако трансформация социально-политического и экономического контекста научной

деятельности, а также переход к так называемой «большой науке» проблематизировали мертоновский научный этос.

А.П. Киящинко убедительно показывает, что императивы Мертоня описывали реальность науки, которой соответствовала только классическая дисциплинарная матрица (см.: Таблица 1):

Современный этап развития науки характеризуется уже пост неклассической дисциплинарной матрицей. «На первый план, – отмечает А.П. Киящинко, – сейчас выступает идея дифференцированного на многие страты сообщества со своими специфичными нормами исследования – локальными формами «этоса»... На современного ученого участие в таких исследованиях налагает двойные обязательства, так как на систему ценностей и норм, характерную для научного познания, накладывается еще система ценностей и норм, специфическая для той организации, которая создана для решения конкретной задачи» [5, с. 49]. Корпоративная ответственность ученого в современной постнеклассической науке может превалировать над его персональной ответственностью перед научным сообществом в универсальном смысле этого слова.

Одной из ключевых характеристик современной организации науки является ее масштаб. Эпоха ученого одиночки закончилась. Наука сегодня делается в больших коллективах. Это хорошо заметно по наукометрической информации из большинства научных областей. Сегодня наиболее цитируемыми работами являются публикации, написанные в соавторстве. При этом соавторство становится все больше интернациональным. Интернациональными становятся и лаборатории. Одиночное авторство встречается сегодня только в общественных и гуманитарных науках, в естественных науках авторами статей и монографий являются целые лаборатории и интернациональные коллаборации. Кроме того, новые условия научной деятельности требуют от ученого развивать навыки, которые не входят в классические мертоновские императивы. Современный ученый должен не только производить знание, но и продвигать его, коммерциализировать. В условиях корпоративной науки нормы научного этоса, выделенные Мертоном, довольно сложно реализовывать.

Основной же удар по автономии науки был сделан, по мнению Б.И. Пружинина, поляризацией структуры науки между фундаментальным и прикладным направлениями. Если автономия науки обеспечивалась главным образом за счет доминирования фундаментальной (чистой) науки, то сегодня центральной место в структуре научного производства занимает прикладная наука, этос которой несовместим с императивами Мертона. «И все реже и реже встречаются ученые, – пишет Б.И. Пружинин, – способные работать одновременно в обоих сообществах. Ибо у этих сообществ, помимо всего прочего, уже сложились разные гносеологические ориентиры и нормы и они очень по-разному представляют себе результаты своих усилий. Есть наука фундаментальная; есть наука прикладная. И сегодня существуют достаточно мощные социально-экономические факторы, способствующие их раздельной институционализации» [6, с. 119].

В результате доминирования прикладной науки институциональные границы науки проблематизируются. Наука превращается в отрасль народного хозяйства, которая регулируется государством, как любая другая отрасль. Наука

утрачивает свою автономию, а, следовательно, в отдаленной перспективе может утратить и ценность для общества и государства.

Таким образом, в современном историческом контексте этос науки, определенный Мертоном, уже с трудом можно считать институциональной нормой научной деятельности. Поэтому в социологии науки проблематика этоса науки отошла на задний план. От норм исследователи обратились к научной практике и занялись антропологическим анализом реальной лабораторной жизни ученых.

Национальная специфика российского научного этоса

Одним из малоисследованных аспектов трансформации этоса науки остается национальная специфика интернализации институциональных императивов, выделенных Р. Мертоном. Национальная специфика имеет два аспекта: культура и власть. Национальная культура оказывает влияние на научную деятельность через ученых, которые не могут полностью нейтрализовать свои культурные коды. Исследования показывают, например, как организация финансирования и оценка результатов научной деятельности в Японии влияют на дизайн физических детекторов [7].

Политическая власть в современном мире чаще всего по-прежнему выражается в форме национального государства. Поэтому в условиях размывания институциональной границы между наукой и государством, о котором мы говорили в предыдущем параграфе, особенности политического режима в конкретном государстве отражаются на организации и императивах науки в этом государстве. Иными словами, институциональная характеристика и специфика интересов заказчика оказывает влияние на культуру исполнителя. Например, М. Гордин показывает, что профессионализация химии в России в начале XX в. была результатом целенаправленной государственной политики национализации этой сферы научного знания с целью повышения конкурентоспособности России относительно Германии и Великобритании [8].

В качестве немногочисленных исследований, в которых проблема национальной специфики

интернализации мертоновских императивов рассматривалась бы непосредственно можно выделить десятилетний (1994-2004 гг.) социологический мониторинг российской науки, который фиксировал настроения российских ученых-естественников в наиболее сложное для них в социально-экономическом плане время [9, с. 25-26]. «В каждом обследовании, – отмечает Е.З. Мирская, – четверть респондентов неизменно фиксировали удовлетворенность своей деятельностью, а о явной неудовлетворенности заявляли около 60% ученых. При этом 90% были твердо намерены продолжать оставаться в сфере науки, а о своем решении покинуть науку всегда сообщал лишь 1% опрошенных. Очень показательны причины неудовлетворенности. Естественно, что низкую оплату труда всегда отмечала наибольшая часть ученых (от 79% до 73%), но далее указывались – причем с нарастающим весом – такие чисто научные претензии, как невозможность вести полноценные исследования (от 52% до 68%) и сокращение экспериментальных возможностей (от 50% до 62%)» [9, с. 25-26]. Обращают на себя внимание и мотивационные приоритеты продолжения научной деятельности. «Из девяти предложенных мотивировок первое место постоянно занимала “невозможность изменить свою ориентированность на науку”, о которой в трех последних исследованиях заявляли соответственно 58%, 42% и 51% обследованных; на втором месте – “реальная возможность продолжения исследований” – 40%, 53% и 51%, на третьем – “нежелание изменить свой образ жизни” – 39%, 44% и 46%. Надежда на улучшение личной исследовательской ситуации или ожидание завершения значимого этапа своей работы мотивировали только около 20% ученых» [9, с. 25-26].

Общий вывод исследования заключался в поразительной устойчивости классического мертоновского этоса в российской действительности, несмотря на все радикальные социо-экономические трансформации.

Автором данной статьи совместно с И.А. Конновым и А.В. Бальшевым было проведено социологическое исследование научных императивов экспертов РФФИ при оценке конкурсных заявок для определения специфики ценностей

данных экспертов в сравнении с мертоновским научным этосом [10]. Эксперты РФФИ являются наиболее репрезентативной выборкой ученых в России. При этом как эксперты государственного фонда они одновременно выступают в роли ученых и государственных администраторов от науки.

Была проведена серия из 20 сфокусированных интервью с экспертами Фонда продолжительностью от 56 минут до 2 часов 22 минут. Им были предложены вопросы, касающиеся четырех императивов, выделенных Мертоном: универсализм, коллективизм, бескорыстие и организованный скептицизм. Цель исследования заключалась в выявлении отклонения институциональных императивов деятельности экспертов РФФИ при оценке заявок от классического научного этоса, описанного Мертоном.

Результаты показали наличие специфики, которая может быть объяснена особенностями национальной культуры и особенностями взаимодействия государства и науки в России.

Универсализм в науке претерпевает трансформацию под давлением нового понимания роли фундаментальных исследований. Респонденты не были едины в проведении демаркационной линии между фундаментальной и прикладной науками, однако в целом сходились в том, что чистой науки сегодня быть не может. Чаше всего подчеркивалось, что любое научное исследование имеет в виду некоторый практический результат, пусть и возможный лишь в отдаленной перспективе. Поэтому заявка, в которой не содержится прикладной направленности, вряд ли будет поддержана. Таким образом, норма универсализма науки как открытости для всех ученых искажается в сторону прикладных исследований.

Коллективизм науки, по мнению респондентов, продолжает сохраняться. Однако это коллективизм статусный, а не коммуникативный. Эксперты продолжают обращать внимание на научный статус заявителя, на научную школу, от имени и в рамках которой он пишет свою заявку. При этом, в целом, можно отметить общее негативное отношение к различным формам количественных оценок научной деятельности, которые базируются на коммуникативном капитале ученых, измеряемом количеством публикаций,

цитирований, индексом Хирша и их коммуникативной «заметностью» в специализированных социальных сетях.

Следует отметить, что в целом в мире коммуникативный капитал начинает постепенно превалять над статусным по двум причинам. Во-первых, количество ученых в мире продолжает увеличиваться. Поэтому личных контактов уже недостаточно для того, чтобы знать всех специалистов в определенной области знания. Существуют, конечно, менее популярные предметы и направления исследований, в которых работает небольшое количество энтузиастов, знающих друг друга лично. Для таких сообществ коммуникативный капитал их членов не имеет значимой ценности. В более популярных областях, где количество ученых измеряется десятками тысяч, показатели публикационной активности могут быть единственным эффективным инструментом поиска и оценки деятельности ученого. Уровень популярности научного направления определяется в первую очередь объемами государственного или корпоративного финансирования проводимых в нем исследований.

Во-вторых, многие исследования носят междисциплинарный характер. Коммуникативный капитал в этом случае обладает большей ликвидностью, чем статусный. Наукометрия научилась делать поправки на особенности культуры цитирования в различных областях знания, так что некоторые показатели публикационной активности вполне сравнимы и у «физиков», и у

«лириков». Статусный капитал, напротив, остается специфическим.

Трансформировалась и ценность бескорыстия в науке. Респонденты отмечают растущую роль финансирования для научной деятельности. Однако деньги, выделяемые на науку, важны для экспертов РФФИ не как материальное благо, а как символический капитал, указывающий на статус науки и ученого в обществе в целом.

Организованный скептицизм сохраняется. Однако респонденты указывают, что поддерживать организационный скептицизм довольно сложно в рамках прикладных исследований. «Эксперт от ученого отличается тем, что он говорит только тогда, когда его спрашивают», – указывали сотрудники Фонда. Поэтому экспансия экспертного знания в науке подрывает организованный скептицизм.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что на специфику научного этоса в России (на примере научного этоса экспертов РФФИ) большее влияние оказывают структура отношений между властью и наукой, борьба ученых за статус. Национальные особенности российской культуры в этосе экспертов РФФИ отмечены не были. Следовательно, национальные особенности российского научного этоса носят не культурные, а институциональные основания.

Наука в России сохраняет свою автономию, однако ведет с государством активный торг о повышении своего статусного положения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бурдьё П. Поле науки // *Sociologie et Sociétés*. 1975. 7(1). P. 91-118 URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki>
2. Пятигорский А.М. и др. Размышляя о политике / А.М. Пятигорский, О.Б. Алексеев. – М.: Новое издательство, 2008. 192 с.
3. Steinberger P. *The Idea of the State* / P. Steinberger. – Cambridge Univ. Press, 2004. 344 p.
4. Merton R. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press. 1973. 605 p.
5. Киящинко Л.П. Этос постнеклассической науки (к постановке проблемы) // *Философия науки*. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 29-53. URL: <http://iph.ras.ru/page51702652.htm>
6. Пружинин Б.И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // *Философия науки*. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 109-120. URL: <http://iph.ras.ru/page53195782.htm>
7. Traweek S. *Beamtimes and Lifetimes: The World of High Energy Physics*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. 206 p.
8. Gordin M. *Running in Circles. The Heidelberg Kruzhok and the Nationalization of Russian Chemistry* // *Global Science and National Sovereignty Studies in Historical Sociology of Science* / ed. by G. Mallard, C. Paradeise, A. Peerbaye. Routledge, 2009. P. 40-62.

9. Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // *Философия науки*. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С.11-27. URL: <http://iph.ras.ru/page48033174.htm>
10. Балышев А.В., Коннов В.И., Харкевич М.В. Ценностные ориентиры экспертов РФФИ: опыт когнитивного картирования // *Социологические исследования*. 2014. №3. С. 94-106.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Burd'e P. Pole nauki // *Sociologie et Sociétés*. 1975. 7(1). P. 91-118 URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki>
2. Pyatigorskii A.M. i dr. Razmyshlyaya o politike / A.M. Pyatigorskii, O.B. Alekseev. – М.: Novoe izdatel'stvo, 2008. 192 с.
3. Steinberger P. The Idea of the State / P. Steinberger. – Cambridge Univ. Press, 2004. 344 p.
4. Merton R. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: University of Chicago Press. 1973. 605 p.
5. Kiyashchinko L.P. Etos postneklassicheskoi nauki (k postanovke problemy) // *Filosofiya nauki*. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov. М.: ИФ РАН, 2005. С. 29-53. URL: <http://iph.ras.ru/page51702652.htm>
6. Pruzhinin B.I. Prikladnoe i fundamental'noe v etose sovremennoi nauki // *Filosofiya nauki*. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov. М.: ИФ РАН, 2005. С.109-120. URL: <http://iph.ras.ru/page53195782.htm>
7. Traweek S. Beamtimes and Lifetimes: The World of High Energy Physics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. 206 p.
8. Gordin M. Running in Circles. The Heidelberg Kruzhok and the Nationalization of Russian Chemistry // *Global Science and National Sovereignty Studies in Historical Sociology of Science* / ed. by G. Mallard, C. Paradeise, A. Peerbaye. Routledge, 2009. P. 40-62.
9. Mirskaya E.Z. R.K. Merton i etos klassicheskoi nauki // *Filosofiya nauki*. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov. М.: ИФ РАН, 2005. С.11-27. URL: <http://iph.ras.ru/page48033174.htm>
10. Balyshev A.V., Konnov V.I., Kharkevich M.V. Tsennostnye orientiry ekspertov RFFI: opyt kognitivnogo kartirovaniya // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. №3. С. 94-106.